

Хо Ань не ожидал, что Чжун Мань притворился пьяным. Он замер, ошарашенный тем, что его тайна раскрыта. Он чувствовал растерянность, но вместе с тем — странное облегчение.

Чжун Мань прорычал:

— Пошел вон!

Хо Ань механически поднялся, но не ушел. Он произнес:

— Брат, я люблю тебя.

Говоря это, он, обычно такой невозмутимый, ощутил небывалый трепет.

Чжун Мань лишь холодно усмехнулся:

— Ты-то? Ты себя в зеркале видел? Вон отсюда.

Взгляд Хо Аня потух. Он подавил желание наброситься на брата, взял себя в руки и, прижимая ладонь к горячей щеке, вышел из комнаты.

Чжун Мань думал, что после той пощечины Хо Ань одумается или хотя бы станет вести себя скромнее. Но он ошибся: сорвав маску, тот стал вести себя совершенно бесстыдно.

Он то и дело заискивал перед ним, признавался в чувствах и умолял быть с ним.

В тот период Чжун Мань надавал ему столько затрещин, что со счета сбился, но Хо Ань был непробиваем. В конце концов, не выдержав, Чжун Мань снова съехал к учителю.

После смерти мастера он так и не вернулся в отчий дом, предпочитая жить самостоятельно.

Спустя годы они встретились в морге, у тела отца. Чжун Мань не успел попрощаться ни с учителем, ни с родителем.

К его возвращению в доме Чжун всё переменилось. Мачеха предъявила завещание, согласно которому всё имущество теперь принадлежало не ему, а её новорожденному сыну — Чжун И.

За время разлуки Хо Ань возмужал и стал выше. Он больше не лебезил, но в его взгляде появилась пугающая насмешливость. Он смотрел на Чжун Маня как на добычу, которая уже не вырвется из капкана.

Когда Чжун Мань потребовал экспертизу подлинности завещания, мачеха сбросила маску: она не только наотрез отказала, но и подстроила всё так, чтобы пасынок лишился зрения, лишив его возможности бороться.

Перед тем как насильно отправить его в деревню, Хо Ань «великодушно» дал ему последний шанс: «Чжун Мань, ты привык быть господином, жить в неге и роскоши. В деревне ты не протянешь. Просто кивни, согласишься быть моим, и я обеспечу тебе жизнь лучше прежней. Я дам тебе всё, что пожелаешь».

Ответом ему стала очередная пощечина.

Хо Ань коснулся языком саднящей щеки и улыбнулся:

— Хорошо. Очень хорошо. Мне нравится твоя непокорность. Чем сильнее ты сопротивляешься, тем слаще будет миг, когда я тебя сломаю. Чжун Мань, я дождусь дня, когда ты сам умоляюще попросишь меня забрать тебя отсюда.

Хо Ань был человеком жестоким и злопамятным, но Чжун Мань никогда не боялся идти против него открыто.

Однако Тан Кайци... Он был простым, бесхитростным сельским парнем, без денег и связей. Ему совершенно ни к чему было становиться врагом такого человека, как Хо Ань.

Чжун Мань не хотел втягивать его в это.

Поэтому он шепнул Кайци:

— Сиди в комнате и не высывайся.

— Это еще почему? — удивился тот.

— Сказал — сиди, значит, сиди! — отрезал Чжун Мань.

Тан Кайци, не желая злить друга, подчинился. В конце концов, он будет за стеной: если этот дохляк вздумает обидеть Чжун Маня, он в один миг выскочит и спустит его в выгребную яму.

Хо Ань, получив «сюрпризы» прямо у входа, теперь шагал с опаской, ожидая подвоха на каждом шагу. Он даже на лай собаки реагировал, сжимая кулаки и готовясь к обороне.

Кое-как добравшись до крыльца, он настороженно посмотрел вверх. Убедившись, что над дверью нет ведер, он уверенно взялся за дверную ручку.

Разряд тока мгновенно прошел его тело, заставив биться в конвульсиях. Глаза его закатились.

«Черт, ручка под напряжением!»

Он рухнул на землю, и его еще некоторое время потряхивало — едва с предками не встретился.

Поднявшись с перекошенным лицом, он с помощью палки подтолкнул дверь и наконец увидел Чжун Маня, который сидел в кресле с кошкой на руках.

— Чжун Мань! — проскрежетал он.

Чжун Мань слегка повернул голову:

— Кто это?

О том, что он прозрел, знали только Тан Кайци и Ма Лоу. Хо Ань наверняка считал его по-прежнему слепым, и Чжун Мань решил этим воспользоваться. Так он мог усыпить бдительность брата и вытянуть из него важные сведения.

Хо Ань, перепачканный грязью и навозом, всё еще чувствуя зуд от тока, едва сдерживал ярость. Никто и никогда так не унижал его:

— Ты еще спрашиваешь?

Чжун Мань изобразил изумление:

— Хо Ань? Это ты? Как ты здесь оказался?!

Хо Ань на мгновение замялся, видя его удивление. Значит, Чжун Мань не знал о его приезде? Ну конечно, по пути он встретил только того деревенского олуха, который его даже не узнал. Откуда Чжун Маню было знать? И ловушки он, стало быть, расставил не специально для него.

Тогда... для кого же?

Неужели местные так часто его донимают, что ему приходится постоянно держать оборону?

При этой мысли гнев Хо Аня немного поутих, сменившись жалостью.

Он скинул грязный пиджак и произнес:

— Зачем я приехал? Хм, навестить любимого брата, конечно. Ну и как тебе деревенская жизнь, нравится?

Чжун Мань выдержал паузу и ответил:

— Нравится. Почему бы ей не нравиться?

Хо Ань усмехнулся:

— Продолжай храбриться. Посмотри, в какой конуре ты живешь: пола нет, под ногами голая земля. Не верю, Чжун Мань, что ты не жалеешь о своем выборе.

Чжун Мань отвернулся и промолчал.

Хо Ань решил, что попал в точку. Самодовольно улыбаясь, он протянул руку, желая коснуться щеки брата, но, вспомнив, какие у него грязные ладони, неохотно отстранился.

Он обошел комнату: старая мебель, хромой стол, под ножки которого подложены кирпичи.

Его взгляд упал на шкаф, где стояла миска с какими-то темными соленьями — то ли остатки вчерашнего, то ли вовсе несъедобное нечто.

В этот миг сердце Хо Аня дрогнуло.

Такой привередливый в еде человек, как Чжун Мань, вынужден питаться этим мусором. Хотя, что удивляться: слепой вряд ли способен приготовить что-то приличное.

Он пристально посмотрел на брата:

— Вернешься со мной?

Чжун Мань покачал головой:

— Мне больше некуда идти. В доме Чжун мне больше ничего не принадлежит. Я просто хочу дожить свой век здесь.

У Хо Аня больно кольнуло в груди. Он сказал:

— Поедем со мной. Я обеспечу тебе самую лучшую жизнь.

Чжун Мань горько усмехнулся:

— За кого ты меня принимаешь? Хо Ань, мы столько лет знакомы, неужели ты меня совсем не знаешь? Я не стану силой удерживать то, что мне не принадлежит. Но и свое я так просто не отдам.

Хо Ань мгновенно уловил намек.

Он на миг позабыл, насколько Чжун Мань горд. Он действительно не из тех, кто продает себя за комфорт. Но и плоды своих трудов, например, рецепты, он тоже просто так не отдаст.

Хо Ань притащил табурет и сел напротив него:

— Давай начистоту, Чжун Мань. Ты отдаешь мне рецепт, а я передаю тебе восемь процентов акций корпорации Чжун. Ты уедешь из этой глуши, а компания вовремя выпустит новое лекарство. Доходы вырастут — вырастут и твои дивиденды. Это же выгодно обоим.

Чжун Мань, поглаживая кошку, небрежно отозвался:

— Восемь процентов акций? Ха, я ослеп, но не из ума выжил. Легко сказать, а как ты их мне передашь?

Хо Ань выпалил:

— Я оформлю дарственную от своего имени.

Этого признания Чжун Мань и ждал.

<http://bllate.org/book/18973/1864254>